

Т. Ф. ВОЛКОВА

## Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани

Одним из наименее изученных аспектов в исследовании «Казанской истории» является выявление приемов беллетризации повествования в этом историко-публицистическом по своему содержанию произведении. Уже первые исследователи «Казанской истории» (далее: КИ) обратили внимание на две важные особенности ее художественной структуры: А. С. Орлов, характеризуя стиль КИ, подчеркнул несомненное преимущество, которое автор КИ отдает мотивам светской беллетристики,<sup>1</sup> а Г. З. Кунцевич первым поставил вопрос о наличии в КИ единого сюжета, указав на стремление автора связывать отдельные фрагменты своего повествования внутренними мотивировками.<sup>2</sup> Однако по-настоящему приблизиться к проблеме своеобразия сюжетной организации КИ стало возможно только после разработки целого ряда вопросов, связанных с зарождением и эволюцией элементов художественного повествования в древнерусской литературе. В коллективном исследовании ленинградских медиевистов «Истоки русской беллетристики», явившемся итогом этой работы, Я. С. Лурье высказывает ряд интересных наблюдений об особенностях беллетристики XVI в. в целом и об использовании ее приемов в КИ в частности. Так, например, он отмечает факт широкого проникновения в историческое повествование XVI в. сознательного вымысла, имевшего не только публицистическое, но и чисто художественное значение, указывает на законченность сюжетной формы во многих летописных рассказах и постоянное использование в них выразительных художественных деталей, «оживляющих» повествование. При этом развитие беллетристического начала в литературе XVI в. справедливо связывается с кризисом традиционных форм повествования.<sup>3</sup> Однако, определяя значение достижений беллетристики XVI в. для дальнейшего развития русской литературы, Я. С. Лурье приходит к выводу о том, что авторы XVI в., в том числе и автор КИ, не внесли ничего нового в развитие сюжетного повествования. Присущая историческим произведениям XVI в. «занимательность», по его мнению, проявлялась лишь на уровне фабулы и не затрагивала сюжет. В результате сюжетные сцены в КИ являются, по выражению Я. С. Лурье, «чужеродным явлением», не вытекают из авторской «концепции действительности» и не являются необходимыми с точки зрения общей структуры этого памятника. Чрезвычайно мало, по мнению Я. С. Лурье, зависело от логики сюжета и поведение героев КИ.<sup>4</sup> Этот вывод исследователя представляется нам спор-

<sup>1</sup> Орлов А. С. «Казанский летописец». — В кн.: История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 467.

<sup>2</sup> Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, с. 515.

<sup>3</sup> Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 387—449.

<sup>4</sup> Там же, с. 435.

ным и противоречащим художественному материалу КИ. Задача данной статьи — показать с помощью конкретного анализа текста памятника, как автор КИ путем сложной работы над своими источниками — «Летописцем начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» (далее: ЛНЦ)<sup>5</sup> и Троицким сочинением о взятии Казани (далее: ТС)<sup>6</sup> — создает в своем произведении продуманный сюжет, помогающий ему в полной мере раскрыть идейно-художественный замысел историко-публицистической повести, выразить через систему образов и событий свою концепцию Казанской войны и победы, одержанной в ней Иваном Грозным и его доблестным воинством.<sup>7</sup>

Особенности сюжетной организации<sup>8</sup> повествования КИ рассматриваются нами на материале рассказа об осаде и взятии Казани, охватывающего 58—85-ю главы,<sup>9</sup> так как эта часть повести содержит локальный, имеющий свою внутреннюю композицию сюжет, в котором с наибольшей отчетливостью проявились черты отличия КИ от других рассказов современников о казанских событиях 1552 г.<sup>10</sup>

В повествовании КИ об осаде и взятии Казани мы выделяем композиционно шесть частей. Первая часть представляет собой своеобразный «пролог», предвещающий рассказ о непосредственных событиях осады (глава 58, с. 125—126). В «прологе» рассказывается об обстоятельствах переправы войск Грозного через Волгу на казанский берег и о первом военном столкновении с казанцами, происшедшем еще до прибытия русских войск под Казань. Шестая, завершающая часть — «эпилог» повествования — рассказывает о событиях, произошедших в Казани после взятия ее русскими войсками (главы 86—91, с. 159—165).

В основном повествовании, кульминационным центром которого является описание последнего победоносного штурма Казани, выделяются четыре части (вторая—пятая). В них освещаются четыре последовательных этапа в ходе осады, завершившейся взятием города. Границы между этими частями «маркированы» эпизодами мирных переговоров Ивана Грозного с казанцами, предвещающими описание каждого нового этапа осады, но не всегда проходят между двумя отдельными главами, а зачастую делят текст в пределах одной главы.

Вторая часть охватывает события от первого дня пребывания русского войска у стен Казани до разгрома воеводами Грозного лесной черемисы

<sup>5</sup> Издан: ПСРЛ, М., 1965, т. 29, с. 9—116 (далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте в скобках).

<sup>6</sup> См. издание текста: Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского «взятия». — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962, с. 8—26.

<sup>7</sup> Вопрос о текстуальной зависимости КИ от ЛНЦ и ТС был рассмотрен в наших статьях, см.: Волкова Т. Ф. 1) «Казанская история» и троичские литературные памятники о взятии Казани: (К вопросу о художественном своеобразии «Казанской истории»). — ТОДРЛ, Л., 1982, т. 37, с. 104—117; 2) «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» и троичское сочинение о взятии Казани как источники текста «Казанской истории». — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 172—187.

<sup>8</sup> Под сюжетом мы понимаем построенную под определенным «фокусом повествования» событийную структуру произведения, служащую последовательному воплощению авторского замысла. В таком понимании категории сюжета мы опираемся на следующие работы: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 71—72; Гомашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.; Л., 1930, с. 136—137; Добин Е. С. Жизненный материал и художественный сюжет. Л., 1958, с. 138—224; Истоки русской беллетристики, с. 12—24; Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1976, с. 235—236.

<sup>9</sup> Текст КИ цитируется по изданию: Казанская история/Подготовка текста, вступит. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. Под ред. член-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954 (далее страницы указываются в тексте в скобках).

<sup>10</sup> Развернутый анализ сюжета повествования КИ об осаде и взятии Казани был проделан нами в кандидатской диссертации «„Казанская история“ и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI в.». Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Н. С. Демкову, которая привлекла мое внимание к проблемам художественного своеобразия КИ.

и взятия казанских острогов (главы 59—63, с. 126—133). Третья часть начинается с рассказа о втором этапе переговоров Грозного с казанцами (при посредничестве черемисских «полоянников») и завершается описанием подготовки русских к решающему штурму Казани и попытки казанских женщин склонить своих мужей и сыновей сдать город московскому самодержцу (главы 63—начало 74, с. 133—145). Четвертая часть открывается рассказом о третьем этапе переговоров Ивана Грозного и заканчивается описанием расправы казанцев с князем Чапкуном (конец главы 74—81, с. 145—153). Последняя, пятая часть основного повествования рассказывает об окончании победоносного штурма Казани. Так же как и предшествующие части, она начинается с рассказа о посольстве, но на этот раз — казанцев к Ивану Грозному с просьбой о помиловании, и оканчивается эпизодом захвата в плен царя Едигера и сообщением о казни изменника Юрия Булгакова, указавшего казанцам места подкопов, сооружаемых русскими под стенами Казани (главы 82—85, с. 153—159).

Проделанный нами анализ текста КИ в той ее части, которая содержит «пролог» и рассказ об осаде и взятии Казани (главы 58—85), показал, что все описанные на данном отрезке повествования события включаются в три сюжетных линии, которые можно условно обозначить как «мир», «война», «божественный промысел».

Первая сюжетная линия — «мир» — включает в себя историю неудачных попыток Ивана Грозного, милосердного и христоролюбивого в изображении автора КИ царя, предотвратить кровопролитие и мирным путем вернуть казанские земли — исконно русские, по концепции автора КИ, — Московскому государству.

Второй сюжетный ряд — «война» — содержит историю военных столкновений русских с казанцами, причем в изображении автора КИ инициатива в этих столкновениях на всем протяжении повествования исходит не от русской стороны, а от казанской. Все военные действия, предпринимаемые Иваном Грозным против казанцев, изображаются как вынужденная мера, как ответ русской стороны на те или иные военные предприятия казанцев.

Третья сюжетная линия — «божественный промысел» — помогает читателю «подняться» над изображаемыми событиями, понять их внутренний «истинный» смысл, оценить их в категориях средневековой религиозной историософии. Эта сюжетная линия прослеживается в описаниях «чудес», сопровождавших военные события осады и взятия Казани, в авторских отступлениях от фабульного изложения событий, в которых описываемые события прямо или опосредованно, через художественный образ, связываются с божественным промыслом, и, кроме того, усиливается с помощью символики, пронизывающей описательные, изобразительные фрагменты КИ.

Указанные сюжетные линии находятся в тексте КИ в сложном переплетении, образуя единый сюжет, имеющий своеобразное построение. Рассмотрим последовательно развитие этого сюжета от «пролога» повествования КИ об осаде и взятии Казани до его завершения, выявляя, с одной стороны, общий для всех частей композиции принцип сюжетного построения, с другой — своеобразие сюжетного решения каждой части повествования. При этом, привлекая сопоставительный материал ЛНЦ и ТС, постараемся показать, как средствами сюжета автор КИ создает свою концепцию казанской победы.

#### «П р о л о г».

Авторская трактовка исторических причин казанского кровопролития, его концепция исторической и религиозно-правственной оправданности свершенного Грозным «насилия» над казанцами, опирающаяся на сюжетный материал всех предшествующих глав повествования, в рассказе КИ об осаде и взятии Казани актуализируется и наполняется конкрет-

ным содержанием. Уже в «прологе», описывающем переправу полков Грозного через Волгу и первую встречу с казанцами, обнаруживается творческая работа автора КИ по композиционной перестройке материала источников, меняющей восприятие читателем действий как русской, так и казанской стороны по сравнению с рассказом ЛНЦ и ТС.<sup>11</sup>

По ЛНЦ, войска Грозного благополучно переправляются через Волгу, достигают верховьев Булака и останавливаются у озера Кабан, т. е. в сравнительной близости от города. Поэтому появление перед русскими казанского отряда, вышедшего им навстречу из города, о чем сообщает далее ЛНЦ, воспринимается как непосредственная реакция казанцев на приближение вражеского войска.

Автор КИ усиливает момент «активности» казанцев, хронологически смещая время первого столкновения между русскими и казанцами: татары появляются перед войсками Грозного не у казанских стен, а еще во время переправы русских полков через Волгу. Одновременно автор КИ подчеркивает героизм русских, ставя сражающиеся стороны в неравные условия: казанцы нападают на воинов Грозного, когда те еще не успели взобраться на берег («Овем же неудобно на воде, и скорбно, и тесне всюду», с. 126). Усиливается автором КИ и художественное напряжение в описании перипетий сражения: вводятся детали, подчеркивающие, с каким трудом далась русским эта первая победа («... преже впускают казанцы артоулнаго полка и прочь отбивают от брега...», «... и возопиша царевичи и воеводы преднему полку своему... укрепляючи... их, яко да не слабеют...»). Для усиления экспрессии и драматизма используются формулы боя, характерные для стиля исторического и воинского повествования XVI в.: «... и паки бываете брань, не худа и мрачна, вооружаются ярости, и велик шум на высоту взимается, и мнози ото обою страну падоша,<sup>12</sup> аки цветы прекрасны...» (с. 126).

В ЛНЦ внимание читателя заостряется на мудрости стратегических распоряжений Грозного-полководца, правильно «урядившего» полки перед началом сражения («... и вси зряще дивляхуся царскому урядству и повелѣнию», с. 96). Автор КИ, стремясь к большей драматизации повествования, подробно освещает и военные действия противника Грозного — казанского царя: указываются состав и численность его войска, расположение им своих полков относительно полков противника, сообщается стратегический замысел казанцев — «пострашити русских... и брега не дати превозящимся». В конце фрагмента подчеркивается, что только храбрость русских воинов, поддержанных богом, нарушила военные планы казанского царя.

Таким образом, благодаря целенаправленной переработке материала источников уже в «прологе» намечена сюжетная схема, прослеживающаяся далее в основной части повествования, где военные предприятия Грозного предстают как «вынужденные», спровоцированные казанской стороной.

Вторая часть композиции.

В главе, с которой начинается рассказ о ходе осады Казани — «О приходе царя и великаго князя к Казани... Глава 59», — осязательно стремление автора четко расставить акценты, правильно сориентировать читателя в событиях, которые далее будут излагаться, объяснить их истинный «вневременной» смысл. Это стремление обнаруживает себя в сложной работе автора по сюжетной организации материала, выразившейся прежде всего в «раздвижении» основного фабульного ряда повествования и включении в сюжет главы нескольких фрагментов, являющихся ключом к авторской концепции казанских событий. Обратимся к тексту.

<sup>11</sup> ТС в данном случае, по нашим наблюдениям, вторично по отношению к ЛНЦ: его рассказ об этих событиях представляет собой краткую «выжимку» из пространного изложения «Летописца» (ср. тексты: ЛНЦ, с. 96; ТС, с. 17).

<sup>12</sup> Ср. в ЛНЦ: «Государевы же всё сохраниены богом быша, немногие ранены от них» (с. 96).

Основной фабульный ряд 59-й главы — прибытие русского войска к Казани, устройство царского стана, распределение полков вокруг крепости и личный осмотр ее Грозным — был подсказан автору КИ текстом ЛНЦ, он лишь переработал и развил материал «Летописца». Не касаясь характера этой переработки, обратим внимание на то, что автор КИ считал необходимым «раздвинуть» звенья единой фабульной цепи событий и включить в состав рассматриваемой главы четыре фрагмента, выпадающие из фабульного времени. Фрагменты эти тесно связаны друг с другом по содержанию и составляют как бы отдельный рассказ внутри главы, имеющий свою собственную композицию. Этот рассказ вставляется автором между сообщением об окружении Казани русскими войсками и рассказом о личном осмотре крепости Грозным. «Чужеродность» его данному фабульному ряду подтверждается тем, что при «изъятии» этого материала из повествования «разомкнутые» им звенья фабульной цепи легко и органично соединяются: «И облегоша воя руская град Казань. . . Царь же князь великий, облегли Казань и объехав около города, и смотряше стенныя высоты» (с. 127).

Что же представляет собой по содержанию этот «внефабульный» материал 59-й главы? Перечислим выделенные нами «вставные» фрагменты в их сюжетной последовательности: 1 — описание русского войска, подошедшего к Казани; 2 — уподобление войска Ивана Грозного войску царя Антиоха, пришедшего под стены Иерусалима; 3 — картина разорения Казанской земли русскими воинами; 4 — чудо с пересыханием болот и рек в Казанской земле.

Смысловым центром этого комплекса является обобщенная картина, рисующая разорение Казанской земли прибывшими сюда воинами Грозного: «И наполни всю Казанскую землю воями своими. . . И быша убиения человеческая велика, и кровми поляся варварская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемисскими костми» (с. 127).

События, лежащие в основе этого художественного обобщения, не имеют конкретной временной прикрепленности. Они имеют лишь одну точку отсчета — сам факт прихода на территорию Казанского царства московского самодержца со своим воинством, и описание их представляет собой хорошо известную, но переработанную формулу устного народного творчества, с помощью которой автор КИ определил трагические для казанцев последствия прихода русских на их землю.

Обратим внимание на то, что в данном фрагменте впервые в этой части КИ начинает звучать тема «казанского кровопролития» («и кровми поляся варварская земля»). Чтобы вскрыть авторскую концепцию событий Казанской войны, обратимся к тому художественному контексту, в который помещено это первое упоминание о пролитой русскими «варварской» крови.

Описанию «пленения» русской «ратью» Казанской земли, как было уже отмечено, предшествуют два фрагмента, неразрывно связанные друг с другом общей художественной и публицистической функцией — представить появление многочисленных русских полков у стен Казани как акт «божественного возмездия» казанцам за их вину перед богом и русскими людьми. Первый фрагмент представляет собой красочное описание огромного русского войска, каким оно, по изложению КИ, предстало глазам казанцев (о «включении» в данном фрагменте повествования точки зрения казанцев свидетельствует фраза, завершающая это описание: «И сущии во граде казанцы возмущахуся от страха»). Доминанту этого описания составляет образ ослепительного света, исходящего от шлемов и оружия русских воинов. Этот свет так велик, что он, подобно солнцу, ослепляет, «зраки человеком изо очию изымаючи». Как показывают исследования, символика света в древнерусских памятниках прежде всего связывается с божественным покровительством. В древнерусских текстах часто встречается изображение бога как света («свето-

посный», «светозарный»), а верных ему людей — как отражающих этот свет («златозарных»).<sup>13</sup> Так же как и в «Сказании о Мамаевом побоище», золотой блеск на шлемах и оружии русских воинов под Казанью — это отблеск небесного света: ослепительно сияющее русское войско предстает как орудие божьей кары за «беззаконие» «поганных» казанцев, постоянно разорявших христианскую землю.

В следующем, втором «вставном» фрагменте эта мысль обосновывается с помощью исторического сопоставления, завершающегося прямой авторской трактовкой причин казанского похода Грозного. Московский самодержец в этом фрагменте одновременно уподобляется и противопоставляется знаменитому завоевателю Иерусалима сирийскому царю Антиоху, рассказ о котором, заимствованный из Хроники Малалы, вошел в состав Русского хронографа и был использован в КИ (с. 127). Огромное войско Ивана Грозного в КИ подобно утрашавшему жителей Иерусалима войску «явленнаго» Антиоха, как он именуется в Хронографе, а вслед за ним и автором КИ. Но в отличие от «неверного и поганого» Антиоха, пришедшего к Иерусалиму «церков божию осквернити и разорити», на казанцев пришел «верный» царь, и причина, по которой он хочет погубить «неверных» казанцев, — их «беззаконие к нему» и «злодеяние».

Понимание основной мысли данного фрагмента как санкционированного богом возмездия казанцам поддерживается следующим далее (4-м) «вставным» фрагментом, также развивающим идею «божественного покровительства» русскому войску. Автор описывает «чудо», которое произошло накануне прихода русских к Казани, — длительное отсутствие дождей — и дает этому факту свое толкование: «непроходные» казанские земли, «наводненные» «реками и езера, и блаты», стали доступны в то лето для свободного перемещения по ним русских «за согрешение... к богу казанских людей».

Совершенно иную картину погодных условий, в которых протекала осада Казани войсками Грозного, рисует ЛНЦ: «бѣ тогда время дождиво и воды в реках велики» (с. 94). Автор КИ оставляет без внимания эти сведения ЛНЦ, подтверждаемые и другими летописями.<sup>14</sup> Необходимый ему материал он извлекает из другого летописного источника — Новгородской IV летописи, причем из фрагмента, относящегося к событиям времен прадеда Грозного — Ивана III. Сравним тексты:

#### Новгородская IV летопись

«Земля же ихъ бѣяше Новгородцкая озеры и болоты велми наводнена... А вышѣ, по божьи благодати... исше земля ихъ: ни капля дождя с небеси на землю ихъ не бывало во всемъ льте отъ мѣсяца мая до мѣсяца септеврия, и земля ихъ вся исше, и блага непроходима отъ солнечнаго зноя престоша; всюда бо везде у нихъ ратнии полцы князя великого ничимъ же неударжимо гоняху по всей земли и воеваху невозбранно, а скоти гнаху отвсюду непроходимыми мѣсты и блаты все по суху...»<sup>15</sup>

#### «Казанская история»

«Земля бо бе Казанская реками и езера, и блаты велми наводнена. За согрешение же к богу казанскихъ людей лета того ни едина капля дождя с небеси на землю не паде: от солнечнаго бо жара непроходныя гыя места, дебри, и блата, и речца вся призоша, и полцы русти по всей земли, непроходными пути, безужно яздоху, кои любо камо хотяше, и стадо скотия предугоняху» (с. 127).

Причиной обращения автора КИ к событиям давнего прошлого было, по-видимому, то, что в данном фрагменте Новгородской IV летописи сюжетно оформлена та идея, которая, по замыслу автора КИ, должна была прозвучать в начале его повествования об осаде Казани. Состави-

<sup>13</sup> См.: Колесов В. В. Стилистическая функция лексических вариантов в Сказании о Мамаевом побоище. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 34, с. 33—48.

<sup>14</sup> См.: Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве... с. 433.

<sup>15</sup> ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, ч. 1, кн. 2, с. 507.

теля рассказа Новгородской IV летописи, так же как и автора КИ, волновала религиозно-этическая проблема правомерности «пролития крови» царем-христианином. Описывая приготовления Ивана III к походу на новгородцев, он включает в повествование монолог великого князя, представляющий как мысленный разговор Ивана III с богом («рече в себе»): «Веси, господи... яко не своимъ хотѣниемъ, ниже своею волею на се дръзая, еже бы пролятися мнози крови христианстѣи на земли, по стою о... истинномъ православии Руския земля, а о их (новгородцев, — Т. В.) своей отине отступления к латынству».<sup>16</sup> Таким образом, поход царя на Новгород в Новгородской IV изображался как наказание новгородцев за их отступление от «истинныхъ вѣры». Чтобы показать, что «оправдание» Ивана III было «принято» богом, летописец и вводит в дальнейшее повествование рассказ о чудесном «изсохновении» «по божии благодати» новгородских озер и болот, который и был использован автором КИ.

Приведенная параллель к тексту КИ из Новгородской IV летописи свидетельствует о том, что автор КИ сознательно опустил фактические указания своего основного источника — ЛНЦ — о дождливости лета 1552 г. в Казани и ввел в то место рассказа, где им художественно обосновывалась религиозно-политическая идея «божественного возмездия» врагам Руси — казанцам, материал другого источника, относящийся к иному историческому моменту, но представляющий художественную реализацию той же идеи «божественного наказания».<sup>17</sup>

Рассмотренный материал 59-й главы (рассказ об окружении Казани войсками Грозного и «внефабульные» авторские отступления) служит в КИ своеобразной экспозицией, предвещающей основной рассказ о ходе осады Казани. Функцию «завязки» действия выполняет рассказ о послании Грозным первой грамоты казанцам, помещенный в следующей, 60-й главе КИ («О послании с любовью царя и великаго князя ко царю казанскому»). Изображение Грозного в первый период осады миротворцем противоречит тому образу московского самодержца, который создан в соответствующей части ЛНЦ.

Материал «Летописца» на рассматриваемом отрезке повествования представляет собой подробное описание активной деятельности Ивана Грозного, но не как дипломата, а как организатора и руководителя осадных работ: по его приказу по берегу Булака возводятся осадные туры, посланные им стрельцы закапываются во рвы возле туров и своей стрельбой не дают казанцам выходить из города; казаки привозят к городским стенам пушки, и т. д. В этом контексте описанная далее в ЛНЦ вылазка из города отряда казанцев воспринимается как их ответ на военные маневры русской стороны. Дальнейший рассказ «Летописца» столь же подробно освещает последующие этапы подготовки русского войска к штурму Казани, при этом новые вылазки осажденных из крепости, так же как и первая, ставятся составителем ЛНЦ в прямую зависимость от действий русской стороны. Известие о грамотах Грозного казанцам отнесено в ЛНЦ ко времени более раннему — к моменту пребывания русских войск в Свияжске, еще до переправы их через Волгу. Материал о посольстве к казанцам представлен в ЛНЦ в виде трех со-

<sup>16</sup> Там же, с. 506.

<sup>17</sup> В качестве параллели к указанному приему замены в КИ «правды факта» «правдой художественной» можно привести намеренную гиперболизацию и «мифологизацию» рассматриваемых исторических обстоятельств казанского похода 1552 г. А. М. Курбским в его «Истории о великом князе Московском». На этот прием Курбского в свое время обратил внимание Г. З. Кунцевич. Рассказывая о том, как протекали первые недели осады Казани, Курбский объясняет трудности, с которыми столкнулось русское войско при осаде города, «поганскими чарами» казанцев, вследствие которых вскоре «по obleжанию града» внезапно пошли дожди, которые проливались «только над [русским] войском, а по сторонамъ нѣсть» (см.: Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве..., с. 432—433).

общений (с. 94). Первое касается совещания, проходившего «на лузѣх под Свяжжским городомъ» между царем, его братом Владимиром Андреевичем и Шигалеем, на котором, помимо решения «итти к городу х Казани, не мешкая», Грозный и «приговорил» «послати» к казанцам «грамоты», общее содержание которых формулируется в одной фразе: «Похотят бес крови государю бити челом, и государь их пожялуеть». Из второго сообщения мы узнаем о том, что грамоту, обращенную непосредственно к казанскому царю, Грозный поручает составить и отослать «от себя» Шигалею, «понеже бо его роду есть». Содержание этой грамоты передается столь же лаконично: в ней ставится условие, чтобы казанский царь «от государя нашего не бжолся, поѣхал из города к государю нашему, государь его пожялуеть». Третий фрагмент сообщает об отправлении самим Грозным в Казань другой грамоты, обращенной к казанскому сеиту — «Кулшерив-молне» и «ко всей землѣ Казанской». Содержание царской грамоты сводится к трем моментам: к предложению сдаться («чтобы государю били челом»), требованию не поддерживать бунтовщиков, «хто лихое дѣло почял и землю возмутил», и обещанию награды («и государь пожялуеть»). Между первым и вторым сообщениями в «Летописце» помещена небольшая ремарка составителя, комментирующая принятое Грозным на совете решение послать грамоты казанцам: «Государю же нашему смирение показующу, вѣдыи бо, яко господь гордым противитса, а смиренным благодать даетъ». Кроме того, в тексте ЛНЦ есть короткое сообщение о времени отсылки грамоты Грозного — 15 августа — с «тезиком казанским».

В какой степени приведенный материал ЛНЦ был использован автором КИ и каков был характер этого использования? Следы работы автора КИ над указанным документальным свидетельством ЛНЦ обнаруживаются, во-первых, в указании на факт посольства к казанцам до начала военных действий под Казанью; во-вторых, в том, что основное содержание послания Грозного в КИ (с. 128) соответствует указаниям ЛНЦ; использует автор КИ и комментарий составителя ЛНЦ о «смирении» Грозного. Влияние летописного материала ощущается и в том, что в тексте послания в КИ Грозный отдельно обращается к казанскому царю и ко «всем людям казанцам».

Однако фактический материал ЛНЦ послужил для автора КИ лишь самой общей схемой, которую он наполнил своим собственным содержанием. Во-первых, автор КИ изменяет время первого посольства Грозного к казанцам, приурочивая его к событиям, происходящим не в Свяжске, а уже непосредственно у стен Казани. Во-вторых, он устраняет из данного сюжета упоминание о Шигалее как составителе первой грамоты, обращенной к казанскому царю, и сосредоточивает внимание читателя на фигуре Грозного, который один выступает в КИ и как инициатор посольства, и как составитель грамоты к казанскому царю и казанцам. Кроме того, творческий подход автора КИ к источнику проявился в художественном развитии самого содержания русских грамот к казанцам. В ЛНЦ обращение к «Едигерю-Магметю» ограничивается предложением выехать из города к московскому государю. В КИ эта мысль развита и оформлена в ряд призывов, варьирующих ее в разных аспектах: «помилуй себе», «убойся мене», «предай ми ся доброволно», «служи ми верно». Раскрыто в КИ и лаконичное обещание Грозного, читающееся в «Летописце», наградить казанского царя — «государь пожялуеть»; в КИ Грозный предлагает Едигеру: «буди ми яко брат . . . а не яко раб и слуга»; он обещает: «будеши на Казани. . . и до смерти своя».

Но особенно потрудился автор КИ над составлением той части речи Грозного, которая обращена ко всему казанскому народу. Формула-предложение «Летописца» «бити челом» заменена здесь тройным синонимическим рядом: «предайте ми град», «приложитесь к нашему царьству», «присягайте нам», который осложнен апелляцией к разуму казанцев:



«помыслите в себе... пощадите живот свой». Вместо краткой дипломатической формулы «государь пожалуеть» в КИ подробно перечисляются царские благодеяния, которые ждут казанцев в случае добровольной сдачи города («милость и честь... приемлет», «будете любимии друзи», «дам вам лготу велику»), а также излагается система мер, которыми будет обеспечена будущая безопасность казанцев. Грозный предлагает несколько вариантов решения вопроса, предусматривает все возможные возражения казанцев, предлагает им свободу выбора. Открывается эта «позитивная программа» Грозного в КИ мотивом, позаимствованным из триоцкой «Повести»: «прощу вы всея прежняя... злобы... еже сотвористе отцу моему и мне по нем» (ср. в ТС: «аще град здадите ми... не поминаю ваших многих измѣн», с. 18). Изложив свои обещания и условия, Грозный переходит в своей речи к «объяснениям». Во-первых, он раскрывает мирный характер своих намерений: «не кровопийца бо есмь аз... и не рад кровопролитию вашему» (см. 129), затем указывает казанцам на их изначальную вину перед русскими людьми и открывает им истинную, связанную с божественной волей причину своего похода на Казань: «... за великую неправду вашу послан богом прииде со оружием показнати вы» (с. 129); наконец, предупреждает их о своем решении не уходить из Казанской земли до тех пор, пока город не будет взят: «не имам бо отступити от вас ни до десяти лет, не вземше града» (с. 129).

Приведя полностью речь царя к казанцам, автор счел необходимым в собственном комментарии дополнительно подчеркнуть те ее мотивы, которые представлялись ему, по-видимому, особенно важными — нежелание Грозного проливать понапрасну кровь казанцев и его смирение: «Не хотяше бо царь князь великий, да пролиется кровь их без ума и безо опасения его к ним от него, но хотяше сам прежде собою исправы и смирения явити им» (с. 129).

Как видно из анализа, оттолкнувшись от лапидарных сообщений ЛНЦ, автор КИ связывает извлеченные из разных статей «Летописца» мотивы, добавляет к ним заинтересовавший его материал триоцкой «Повести», все это художественно перерабатывает и превращает в самостоятельный эпизод, имеющий весьма важную сюжетную функцию. Переместив хронологически факт первого посольства Грозного к казанцам с момента пребывания царя в Свияжске на самое начало «стояния» Грозного под Казанью, автор КИ тем самым извлек его из общего исторического течения событий, сосредоточил на нем внимание, сделав узловым моментом собственного сюжета: факт первого посольства к казанцам предстает в КИ как первый поступок московского самодержца, вступившего в контакт с вражеским лагерем. При этом пространная речь царя и сопровождающий ее небольшой авторский комментарий построены так, чтобы, с одной стороны, изобразить миротворческий шаг царя как акт христианского милосердия и смирения, с другой стороны, подчеркнуть осознание Грозным своей роли как исполнителя божественной воли и, наконец, представить своего героя во всей решительности его намерений покончить с «бусурманским» злом, с которым не смогли справиться его предки. Таким образом, послание Грозного к казанцам в КИ предстает не только как акт воинского этикета (как в ЛНЦ), но превращается автором прежде всего в самохарактеристику Ивана Грозного.

Эпизод мирного посольства к казанцам вводит в повествование анализируемой части КИ сюжетную линию «мира». Эта сюжетная линия продолжает развиваться в следующей, 61-й главе КИ, повествующей о том, как отреагировали казанцы на посольство Грозного. В этой главе сначала рисуется раскол в казанском лагере после получения мирного предложения от московского самодержца (конфликт между казанским царем, желающим сдаться на милость Грозного, и решившими сидеть в осаде мурзами), затем сообщается, как казанцы прогнали «з бесчестием» послов Грозного от города, и передается полный текст их ответа москов-

скому царю. Сравним описание реакции казанцев на мирные предложения Грозного с соответствующим материалом ЛНЦ.

Ответ на грамоту, посланную по повелению Грозного казанскому царю, русская сторона в ЛНЦ получает в то время, когда русские полки, переправившись через Волгу и реку Казанку, двигаются в сторону Казани. Прислана она была с «полоняником» и обращена не к Грозному, а к Шигалею, как составителю послания, на которое отвечал казанский царь: «И туто прислал царь Едигер-Магметъ к царю Шагилъю з грамотою положняника» (с. 94). Содержание грамоты Едигера в ЛНЦ дано в самой общей форме, как и содержание русских грамот, посланных в Казань: «... а пишет гордые и скверные словеса, вѣру православную и царя благочестиваго поносить и укоряет, такоже и Шигалѣя похуляет» (с. 94).

Автор КИ целенаправленно переработал фактические сведения ЛНЦ:

1) ответ казанской стороны в КИ в соответствии с перестройкой предшествующего рассказа о первом посольстве русских обращен непосредственно к Грозному, а не к Шигалею (благодаря этому устраняется промежуточное звено между Грозным и казанцами, их сюжетное противостояние в повести «очищается» от второстепенного фабульного материала);

2) по версии КИ Грозному отвечает не казанский царь, а обуреваемые «гордостью» казанские вельможи; введение сюжетного мотива «раскола» в казанском лагере, отсутствующего в ЛНЦ,<sup>18</sup> дало возможность автору КИ, с одной стороны, продолжить сюжетную линию «мира», поставив казанцев перед новой возможностью выбрать бескровный путь, подчинившись решению своего правителя, казанского царя, сдать город; с другой стороны, включение в повествование этого фабульного материала, так же как и исключение из него линии Шигалея, способствует прояснению для читателя антитезы «Грозный — казанцы»: подбором фабульных моментов и их сюжетной организацией автор КИ «подсказывает» читателю уже в начале повествования об осаде Казани, кто истинные виновники будущего кровопролития;

3) иначе изображаются автором КИ и обстоятельства отправки казанцами ответа московскому самодержцу: вместо безымянного «положняника» ответ Грозному доставляют его же послы, отвозившие осажденным первое мирное послание царя; это дало возможность ввести в текст главы сюжетный мотив позорного изгнания послов казанцами и параллельно охарактеризовать последних до того, как они сами себя аттестуют в глазах читателя своей ответной речью Ивану Грозному.

Речь казанцев к московскому царю в КИ, как и речь Ивана Грозного к казанцам, — плод литературного творчества автора КИ. Как можно видеть из приведенной выше цитаты, составитель ЛНЦ указал лишь на общий тон казанской грамоты («гордые и скверные словеса») и лаконично сформулировал ее основное содержание: Едигер «поносит» православную веру, «укоряет» «благочестивого царя» и сообщает о своей боевой готовности.

Отталкиваясь от этого фактического материала, автор КИ как бы «восстанавливает», «реконструирует» отсутствующий в ЛНЦ полный текст казанской грамоты (с. 130). Эту «реконструкцию» он осуществляет, опираясь на материал книжной традиции. При этом, подыскивая литературные образцы, он исходит лишь из общей аналогии данной сюжетной ситуации (реакция горожан на угрозу быть осажденными вражеским войском) со сходным материалом летописного и воинского повествования, не считаясь с устойчивой закрепленностью литературных

<sup>18</sup> По мнению Г. З. Кунцевича, указания автора КИ на разногласия Едигера с уланами имеют под собой историческую почву (см.: Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве..., с. 436). Однако в тексте ЛНЦ никак не подчеркнуто разъединение казанского царя и его вельмож, а тон царской грамоты недвусмысленно указывает на воинственные намерения Едигера.

выражений типа «да помрем вкупе вси... (за) законы и веру и обычаи отец своих» в русском историческом повествовании за положительными персонажами. Однако эти традиционные мотивы не механически помещаются автором в чужеродный для них контекст, они сопровождаются развернутыми мотивировками, делающими художественно убедительными в глазах читателя «гордые словеса» казанцев: «Тебе же, — говорят казанцы московскому самодержцу, — и так богату сущу и много имущу градов и земель, у нас же един столный град Казань, и той хочещи взяти у нас». «Готовность на брань» казанцев автором КИ также передается вполне традиционно: «и не имамы тебе никако же волею града нашего предати и до смерти всех нас», но при этом снова вводится конкретная мотивировка такого решения казанцев. С одной стороны, оно объясняется неверием казанцев обещаниям Грозного, основанным на предшествующем опыте политических отношений с Москвой: «И не мысли, ни надейся лестию и грозя царства нашего взяти, уже бо познахом лукавствие ваше»; с другой стороны — боязнью казанцев «лишиться» древних своих «законов», страхом перед введением «новых обычаев русских». «И не видети бы нам того... что рускими твоими людьми... населен и обладаем столный град наш, Казань, и древняя наша законы добрыя вашими ногами попираемы и посмехаемы». Указание ЛНЦ на «скверные словеса» автор КИ реализует в презрительной аттестации казанцами воинов Грозного как «поганых свиноядцев».

Таким образом, автор КИ, сохраняя верность фактической основе «Летописца», художественно распространяет его, при этом традиционные формулы используются для передачи «гордых словес» казанской грамоты, при «реконструкции» же «укоров» и «скверных словес» казанцев в адрес благочестивого царя и православной веры автор КИ оригинален и исходит из своих представлений о том, как должны были бы воспринимать появление большого русского войска у стен своего города казанцы.

Преобразование в КИ лаконичного сообщения ЛНЦ о получении Грозным ответной грамоты казанского царя в развернутый фрагмент было обусловлено стремлением автора мотивировать последующие изменения в миролюбивом настроении Грозного. Об этом свидетельствует предвещающая текст ответной речи казанцев авторская ремарка, вскрывающая «провокационную» направленность поведения казанцев: своими «жестокими словесы» казанцы, по концепции автора, восстанавливали против себя милосердного самодержца, «врежаючи и раздражаючи сердце его».

Однако не столько «раздражающие сердце» речи казанцев, сколько их военные действия, по сюжету КИ, толкали Ивана Грозного к пролитию «варварской» крови. В отличие от ЛНЦ, подробно рассказывающего о ходе осадных работ, которые под руководством Грозного начали вестись с момента прихода русского войска под стены Казани, автор КИ ни о каких осадных предпрятиях русских до начала боев с казанцами не упоминает. Напротив, все описанные в КИ до военных эпизодов события, казалось бы, должны были привести казанцев к миру с московским самодержцем: и его «милостивая» речь к казанцам, и решение казанского царя сдать город русским, и, наконец, предостережения волхвов, объяснивших казанцам смысл пророческих снов казанского царя и сеита, увиденных ими в ночь по прибытии к Казани русского войска (глава 62, с. 130—131).<sup>19</sup> Однако казанцы, хотя и «метахуся мыслию», но вместо

<sup>19</sup> Этот эпизод, помещенный в КИ после рассказа об ответе казанцев Грозному, продолжает во второй части повествования сюжетную линию «мира». Как и эпизод о конфликте между казанским царем и мурзами, эпизод «толкования снов» выполняет функцию «испытания» казанцев: им снова предоставляется возможность выбрать между «войной» и «миром», так как волхвы, как и казанский царь, призывают казанцев сдаться на милость Грозного. То, что казанцы не выжили пророчествам волхвов, трактуется автором КИ как еще одно свидетельство их «слепоты»

того чтобы послушаться добрых советов и предостережений, начинают совершать вылазки из города и нападать на русские полки.

Таким образом, сюжетная линия «войны», начатая в первой части — своеобразном «прологе» рассказа об осаде Казани, во второй части композиции продолжается описанием боев, происходивших у стен Казани в течение первой недели осады (с. 131). Активной, наступающей стороной и в этом случае изображаются казанцы: они «бияхуся с русью», в то время как русские лишь «прогоняху» казанцев назад в город. Та же тенденция прослеживается и в следующем «военном» фрагменте второй части — рассказе о победе воевод Грозного над «лесной черемисой» (глава 63, с. 133—134). В этом фрагменте автор КИ художественно разрабатывает заимствованный из ТС мотив «скорби» русских воинов из-за частых нападений черемисских отрядов. Если троицкий автор лишь констатирует факт («И не мала бысть скорбь православным от них», с. 17), то автор КИ создает обобщенное описание, в котором русская сторона снова выступает в качестве обороняющейся, а казанская — наступающей: «Но злее предних градцких. . . стужаше полком руским черемиса, наезжая на станы, возмущающ(и) в нощи и в день, убиваючи от вои, и хватаючи живых, и стада конская отгоняючи. И напущающим на них воем руским» (с. 131).<sup>20</sup>

Это описание бед, которые причиняли набеги черемисов русскому войску, служит в КИ сюжетной мотивировкой описываемых далее походов московских воевод на черемисские крепости. Характерно, что автор КИ соединяет в рассматриваемой главе «О побеждении черемисы» и совмещает во времени события, в ЛНЦ и троицкой «Повести» разделенные определенной временной дистанцией и целым рядом промежуточных событий осады. В источниках КИ выделены как самостоятельные два военных предприятия Грозного — разгром «лесной черемисы» и взятие казанских острогов. Автор КИ объединяет эти одновременные события в одном эпизоде, создав тем самым новое сюжетное единство, служащее для реализации его художественно-публицистического замысла — поставить все военные мероприятия Ивана Грозного в прямую зависимость от тактики осажденных.

Таким образом, переработка автором КИ материала ЛНЦ и ТС привела к тому, что в КИ существенно смещаются акценты в освещении событий первого этапа осады Казани по сравнению с ее источниками. Иван Грозный из организатора осады превращается в миротворца, призывающего неразумных казанцев «пожалеть себя». Он полон христианского смирения и готов идти на любые уступки, лишь бы избежать пролития русской и «варварской» крови «без ума». Его полководческие действия до первых военных столкновений с казанцами сводятся лишь к расположению полков вокруг Казани и осмотру крепости, все же дальнейшие его военные предприятия изображаются лишь как ответ на военную активность казанцев, которые в самом начале повествования четко излагают свою позицию в пространной речи, прямо обращенной к Грозному, и первыми начинают нападать на русские полки, выезжая из города и нападая на них с тыла — из лесных острогов.

и «безумия» наряду с отказом принять великодушные мирные предложения сильного противника и внять доводам собственного царя. Так уже в самом начале повествования КИ об осаде одна из сквозных тем КИ — тема ослепленности казанцев собственной злобой, их неразумности («безумия») — получает сюжетное, а не «публицистическое», как в ЛНЦ, выражение.

<sup>20</sup> В ЛНЦ три самостоятельных эпизода, рассказывающих о столкновениях с «лесной черемисой», помещены в особый контекст: они являются как бы вкраплениями в развернутый рассказ о возведении под руководством Ивана Грозного вокруг Казани осадных сооружений. Поэтому вылазки «лесных казанцев» предстают в ЛНЦ как попытки казанцев с помощью оставшихся вне города воинов помешать Грозному в его активной деятельности по подготовке штурма.

Суммируя наши наблюдения, охарактеризуем внутренние закономерности построения сюжета в рассмотренной части КИ. Анализ показывает, что рассказ о первом этапе осады Казани строится в КИ по следующей схеме: в функции завязки выступает эпизод первого неудачного «диалога» между Грозным и казанцами, открывающий сюжетную линию «мира» в повествовании (активным началом здесь является Иван Грозный — инициатор заключения мира «без крови»); тема переговоров о мире развивается дальше в рассказе об увещании казанцев их царем и волхвами; далее «мирные» эпизоды сменяются рассказом о военных событиях — в повествование включается сюжетная линия «войны» (активность переходит к казанцам); военные предприятия казанцев побуждают русскую сторону к ответным действиям.

Если обратиться к дальнейшему тексту КИ, можно увидеть, что та же самая сюжетная схема положена в основу и других частей повествования. Однако автор КИ не механически повторяет удачно найденную схему, но творчески трансформирует ее в соответствии со своим художественным замыслом. Не имея возможности в данной статье привести полностью анализ сюжетного повествования третьей—пятой частей композиции, укажем лишь на то новое в развитии основного сюжета повествования, что вносит каждая из этих частей.

В третьей части композиции сюжетная схема, выявленная при анализе второй части, усложняется введением еще одной сюжетной линии — линии «божественного промысла», которая включается в повествование тогда, когда Иван Грозный вопреки настояниям воевод принимает решение продолжать осаду Казани, несмотря на неудачу первых штурмов города. Эту сюжетную линию составляют эпизоды «чудес», сюжетно мотивирующих активные военные приготовления русских к решающему штурму Казани. Все действия Грозного благодаря введению этой сюжетной линии предстают как непосредственное исполнение божественной воли. При этом изменяется роль царя в событиях последнего этапа осады: из организатора ее Грозный превращается в пассивного наблюдателя, активная же роль отводится автором чудесным посланцам бога — фрягам, которые полностью берут на себя, по сюжету КИ, подготовку решающего штурма.

В четвертой части композиции, начинающейся так же, как и все предшествующие, описанием очередного этапа переговоров Грозного с казанцами, автор КИ, приведя полностью послание Грозного к казанцам и вслед за этим полный текст ответа ему осажденных, на новом витке событий как бы повторяет исходную ситуацию, с которой он начал свой рассказ об осаде Казани, одновременно подчеркивая то новое в соотношении сил противников, что существенно меняло смысл дипломатических переговоров на этом этапе войны по сравнению с переговорами начала осады. Текст речей московского самодержца и казанцев и в этом случае представляет собой существенную переработку текста источника — ЛНЦ, обусловленную единым замыслом: противопоставить последовательно нарастающему «жестокосердию» и «гордости» казанцев столь же последовательно возрастающее «милосердие» и «смирение» московского самодержца. Только дерзкие слова казанцев («Твори, почто пришел еси!») и их насмешки над излишней посольской активностью московского царя, по концепции автора КИ, заставляют Ивана Грозного приступить к штурму Казани. При этом «разумным» действиям Грозного-полководца противопоставляется «безумное» поведение казанцев, принявших временное отступление русских полков от городских стен (связанное с готовящимся взрывом подкопов) за снятие осады (описание праздника в Казани, глава 78, с. 149).

В пятой части повествования, излагающей ход последнего штурма, устойчивый структурный элемент композиции — эпизод мирных переговоров между Грозным и казанцами — принципиально отличается от всех

предшествующих аналогичных эпизодов. Инициатива на сей раз исходит не от московского самодержца, а от казанцев, на краю гибели наконец осознавших свою неправоту и с мольбой просящих у своего врага, Ивана Грозного, милосердия и прощения, от которых они трижды отказывались, ослепленные гордостью. Автор приводит казанцев к признанию всепобеждающей силы христианского смирения, которое одержало победу над их высокоумием («...многое терпение твое и великое смирение, еже к нам, ...преможи и погуби нас», с. 154), что позволило ему в данной части повествования изобразить врагов Грозного в героических тонах, пробуждая в читателе сочувствие к «храбрым» казанцам, «похвально» сложившим голову за свое отечество.

Введение в повествование эпизода, рисующего смирение казанцев, ставило перед автором КИ своеобразную «сюжетную» дилемму: историческая правда призывала его рассказать об уничтожении войсками Ивана Грозного всего казанского гарнизона, в то время как «художественная правда» диктовала сохранить в образе московского государя черты милосердного христианина, противника кровопролития. Автор КИ нашел выход из этого противоречия, противопоставив позицию Ивана Грозного, отдавшего приказ пощадить раскаявшихся врагов, стихийным действиям его воинства, ослепленного ненавистью к казанцам и отказавшегося исполнить повеление царя. Таким образом, в силу художественной логики развития единого сюжета в КИ в конце решающего сражения за Казань с героями повествования происходит своеобразная метаморфоза: казанцы перед лицом смерти «прозревают», сменив «гордость» на «смирение»; напротив, русские воины становятся слепы и глухи и своей жестокостью уподобляются казанцам. Противопоставив таким образом милосердию Грозного беспощадность его воинов, автор КИ «снимает» со своего героя ответственность за ту кровь, которая была пролита после раскаяния казанцев.

\* \*  
\*

Итак, анализ повествования КИ об осаде и взятии Казани показал, что автор КИ положил в основу своего сюжета идею христианского смирения и милосердия московского самодержца, его фактической невинности в казанском кровопролитии. Чем объясняется такая ретроспективная характеристика царя в этом официальном по своим политическим идеям памятнике? Напомним, что КИ создавалась в середине 60-х годов XVI в., когда опричный террор привел к гибели многих героев казанской и ливонской войн и пролитию «христианской крови». Поэтому характеристика Грозного как милосердного и смиренного христианина, невинного в казанском кровопролитии, данная ему автором КИ, вставшим на сторону царя в его борьбе с феодальной знатью, преследовала, по-видимому, цель нейтрализовать впечатление современников от последующих деяний Ивана Грозного.<sup>21</sup>

С помощью сюжета раскрываются и другие центральные идеи КИ. Идея исторической справедливости завоевания русскими Казани, которая, по концепции автора КИ, изначально входила в состав исконно русских владений, нашла свое выражение в сюжетной линии «божественного промысла»: в составляющих ее эпизодах замысел московского

<sup>21</sup> То, что в 60-е годы XVI в. деятели официальной культуры ощущали потребность в подобной ретроспективной идеализации образа Грозного, подтверждается тем, что в другом, сугубо официальном памятнике, созданном незадолго до КИ (в 1560—1563 гг.), — в «Степенной книге царского родословия» — при изложении событий казанского похода на первое место выдвинута та же идея «невинности» Ивана IV в пролитии христианской и «варварской» крови во время «казанского взятия». Но в отличие от автора КИ сооставитель Степенной книги преподносит читателю эту религиозно-политическую идею не с помощью сложно организованного сюжета, а в виде прямых авторских рассуждений, не вводя ее в художественное повествование.

самодержца покорить «бусурманский» город отождествляется с божественным промыслом; тем самым историческая концепция автора, облекаясь в традиционные формы средневековой историософии, получает еще большую убедительность в глазах читателей — его современников.

Задача восхваления личных заслуг Ивана IV в казанской победе реализуется на сюжетном уровне введением в повествование целого ряда эпизодов (не имеющих аналогий в источниках), в которых, с одной стороны, подчеркиваются полководческая мудрость Ивана Грозного, его личное участие в подготовке штурма, с другой — компрометируются действия царских воевод во время казанской кампании. Герою своего повествования — Ивану Грозному — автор сюжетно противопоставляет руководителя антимосковской партии в казанском правительстве — князя Чапкуна. Именно на него автор КИ переносит большую часть вины за кровавый исход осады Казани.

Определяя тип созданного автором КИ сюжета, можно с полным правом отнести его к «телеологическим», целенаправленным сюжетам по классификации, предложенной в книге «Истоки русской беллетристики».<sup>22</sup> Для таких сюжетов характерно последовательное и детерминированное повествование с отчетливо выраженной основной сюжетной линией, развязка которого имеет оценочное значение, выражает отношение автора к героям повествования и рассказанным событиям.

Выстраивая сюжет своего повествования, автор КИ, как мы постарались показать, обнаруживает большое художественное мастерство, донося до читателя свои идеи через разработанную по хорошо продуманной схеме систему событий. Только детальное сопоставление текста КИ с ЛНЦ и ТС помогает выявить эту сложную и одновременно четкую конструкцию, положенную автором КИ в основу своего повествования, понять внутреннюю логику его рассказа, художественную необходимость в нем всех эпизодов и сцен, в совокупности выражающих авторскую концепцию Казанской войны.

<sup>22</sup> Истоки русской беллетристики, с. 22—24. В основу классификации положен характер выражения в сюжете авторской идеи и ее «подсказывания» читателю. Исследователями выделяется три типа сюжета: «эпический» (слабо детерминированное повествование, имеющее многосюжетное построение, когда «новые истории из жизни героя... могут свободно присоединяться к предшествующим»), «амбивалентный» (последовательный, детерминированный сюжет, не обладающий при этом отчетливой целенаправленностью, развязка которого не имеет оценочного значения, отчего смысл сюжета приобретает многозначность) и «телеологический».